ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de la Propiedad Intelectual No. 427855

Correo Argentino Central B.

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980

AÑO VI | Buenos Aires, sábado, 2 de enero de 1954 • Буэнос Айрес, суббота, 2 января 1954 г. | № 207

С Рождеством Христовым!

Николай Кремнев

Российская точка зрения

В политическом отношении российская эмиграция представляет собой своего рода пространный спектр от расцветки ярко красной, марксистско-меньшевистской, до так называемой черной, реакционно-сословной, со всеми бесконечными вариациями политической мысли в промежутке, с нюансами всех вообразимых тонов и оттенков. Еще имеется дробление в плоскости церковных юрисдикций, самое, может быть, больное, ибо оно не имеет никакого отношения к нашей православной вере. Теперь, с помощью американского капитала, появилась и пышно расцвела новая разновидность российского спектра, окончательно его затемняющая, — группировка по национальностям, нашедшая своих представителей среди шовинистических фанатиков меньшинства российских народов.

Но самым роковым расколом является, безусловно, вопрос о советских достижениях в области чисто моральной. Несомненно, что за тридцать шесть лет коммунистической системы рабского труда в России достигнуто немало в области государственного, т. е. казенного строительства. Проведена индустриализация, поставившая Советский Союз на первое место в мире, наряду с Соединенными Штатами. Советская техника действительно перегоняет иногда Америку, как это наблюдается, например, в авиационной промышленности. В Советском Союзе достигнута полная автархия, т. е. объем и широта добывающей и обрабатывающей промышленности дают возможность Советской России существовать без экономического контакта с Западом. Построены гигантские каналы, запружены по течениям рек настоящие моря, в районе которых изменен к лучшему климат, из сугубо континентального обратившийся в умеренный, когда стали орошаться пространства, знавшие до этого лишь зимние стужи, да летние засухи.

В этом вопросе несомненных советских достижений среди русской эмиграции имеется многогранный спектр настроений, от холодного признания фактов до выражения неописуемого энтузиазма. Приводятся, конечно, доводы и за и против, причем некоторые ссылаются, что все эти планы советских достижений были выработаны еще при царском режиме, ярые же поклонники советских успехов, явно склоняясь в ересь советского патриотизма, каковой она именно и является в жизни эмиграции, утверждают, что в условиях царского режима, т. е., добавим мы от себя, не рабского труда, эти достижения было бы невозможно провести в жизнь. Мы не станем вмешиваться в индустриально-достиженческий спор столь разномыслящих сторон, но, будучи уверенными, что, выражая не только общероссийскую точку зрения, но и точку зрения христианской морали, а, следовательно, и антиязыческую, не поклоняясь земным идолам, мы и сможем задать энтузиастам самый существенный вопрос: **какой ценой?** Мы представляем себе, в буквальном смысле слова, горы трупов, если собрать воедино всех погибших и замученных на бесчисленных советских стройках нашей необъятной страны, на дальнем севере, на жгучем юге, в далекой огромной Сибири, да и в самом центре России, в исконных великороссских губерниях.

На этот наш вопрос восторженные поклонники советских достижений, предварительно сравнив революцию Советов с бурными реформами Петра, равнодушно покачав головой и без всякого намека на какие-либо горестные чувства, жестокосердно ответят: "Да, конечно, но — лес рубят, щепки летят!" Вот именно этого-то убаюкивающего совесть возражения мы только и ждали. Но мы не станем призывать к совести людей очерствелого сердца, — какова же может быть у них совесть, но мы зададим им вопрос как раз в любезной им области, чисто материальной: "А что скажете вы, если **лично вам** пришлось бы стать щепкой советского строительства, погибнуть или быть прикопченным на стройке какого-нибудь гиганта, замерзнуть на дальнем севере, задохнуться от изнурительной жары или умереть от истощения или болезни? Каков был бы диапазон вашего энтузиазма в тот момент, когда, в виде человеческой щепки чрез неописуемые моральные и материальные страдания, летели бы вы с ужасом и стенаниями в преждевременное небытие? Вероятно вы даже не найдете нужным ответить на наш вопрос и в наш век чудовищного и преступного равнодушия лишь недоуменно пожмете плечами..."

Мы же, ведя посильную борьбу за освобождение угнетенных российских народов от советского рабства, с такою же болью переживаем их страдания, как если бы мы и сами были той щепкой, которая и по сей день продолжает лететь в жертву ненасытной советской мясорубки...

Николай Кремнев

Редакция "НАШЕЙ СТРАНЫ" сердечно поздравляет всех своих сотрудников, представителей, подписчиков и читателей газеты с праздником

РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

и желает всем бодрости духа и непоколебимой веры в освобождение нашей Родины. Без этой веры жизнь теряет свой смысл, ибо не может быть покоя и мира ни в душе каждого из нас, ни во всем мире, до тех пор, пока миллионы наших братьев томятся за Железным Занавесом, пока интернациональный коммунизм угрожает порабощением всем, сегодня еще свободным народам мира.

Рассеянные по всему миру, но единые в своей вере в грядущее освобождение нашей Родины от ига коммунизма и в конечное торжество единственной реальной и жизненной идеи — идеи Народной Монархии — члены Народно-Монархического Движения в День Праздника Рождества Христова единым сердцем возносят к Престолу Всевышнего свои молитвы о скорейшем ниспослании нашей Родине на земли мира и в человецех благоволения.

В номере:

Николай Кремнев
РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ
●
П.Н.С.
ТРИЕДИНСТВО ЖИЗНИ
●
Борис Башилов
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ
●
ЕЩЕ О "БЫЛЯХ" И "НЕБЫЛИЦАХ"
(Письмо в редакцию)
●
Борис Ширяев
ПИСЬМО АЛЕШИ ПШИК
●
Н. Жигулев
ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО
●
Елена Саянова
ПСИХОЛОГИЯ
●
ПО ТУ И ПО ЭТУ СТОРОНУ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА
●
Coronel S.
ALREDEDOR DE LA POLITICA
●
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 5-ая
ПЕТР ПЕРВЫЙ
(Продолжение)

ОТ ВЫСШЕГО МОНАРХИЧЕСКОГО СОВЕТА

Высший Монархический Совет поздравляет членов Российского Монархического Движения, как и всех русских патриотов с праздником Рождества Христова и наступающим Новолетием.

Будем твердо все помнить наш долг перед нашим страждущим Отечеством и нашим народом и не обратимся в непомнящих свою Родину обывателей разных стран, а сплотим наши ряды и приложим все наши силы на борьбу с поработителями нашей родной земли и будем всегда помнить, что мы сыны нашей Великой Родины.

Да воскреснет Русь Святая и расточатся ее враги!

Председатель Совета
П. Скаржинский

Члены Совета:
Г. Кнюпффер. Ю. Мейер.
А. Мясоедов. В. Ржевский.

Член Совета, Управл. Делами
проф. Е. Кельзи.

П. Н. С.

Триединство жизни

Три великих и глубоких идеи основ жизни, определившие сущность русского государственного строя — Православие, Самодержавие и Народность — были выдвинуты русскими славянофилами около ста лет тому назад. Русское общество отнеслось крайне враждебно к этим идеям, не вдумываясь в их сущность, считая их измышлениями реакционеров, желающих повернуть назад колесо русской истории и приняв их только, как политическую платформу. Но мы считаем, что такое понимание узко и односторонне.

Формула "Православие - Самодержавие - Народность" имеет не только политическое значение. Она вкратце обнимает всю полноту жизни, заключая в себе триединство основных стремлений человечества, состоящее из согласованности наших религиозных переживаний, потребности в надежном руководящем начале и в то же время простора для свободы творчества. Эти стороны жизни человека могут быть схематически изображены в виде треугольника, одна из вершин которого будет означать религиозные устремления, другая — оформление законов жизни, третья — осуществление во вне лучших устремлений нашей воли путем свободного творчества.

Мы — Русские, повторяя формулу "Православие - Самодержавие - Народность", сознательно или бессознательно вкладываем в каждый член ее определенное содержание. Говоря о Православии, мы представляем себе христианство в его совершеннейшем осуществлении. В Самодержавии мы стремимся найти идеальную форму правления, при котором личность не противопоставляла бы себя обществу, а служила бы обществу во имя любви и правды; в Народности Русский рисует перед своим духовным оком многообразие личных исканий не в виде анархического эгоцентризма — "чего моя левая нога хочет", а как многообразие живых клеток единого тела, в котором рука не должна говорить ноге — "ты мне не надобна", или глаз — руху — "я и без тебя обойдусь". Говоря об органической цельности народного тела, мы имеем в нашем сознании не только учение апостола Павла, но также и самоотверженные подъемы народного сознания в дни Мамаева побоища; в годину народного ополчения, шедшего под водительством Минина и Пожарского на освобождение родины от поляков; в славную эпоху борьбы с Наполеоном. И многое другое в этом духе из славной истории нашего отечества.

Исходя из размышлений о триединстве жизни, мы легко можем понять, как в корне ошибочны мнимые аксиомы либералов: "Церковь должна быть отделена от Государства", "Демократическая форма правления выше монархической", "Должна быть абсолютная свобода личного творчества в области науки и искусства", "Свобода личности выше всего в мире", и т. под.

Церковь отделить от Государства так же невозможно, как у живого человека разъединить сердце от мозга. Опыты, производимые в этом направлении за последние два столетия в разных государствах, а особенно во Франции, это отделение и придумавшей, ясно доказали гибельные последствия построения общества без христианской морали и воспитания молодежи без веры во Христа; не случайно отсутствие в истории человечества безрелигиозных государств — организм, лишенный сердца, обречен на быструю смерть. Тем же французам, а в последние годы и Советскому Союзу приходится придумывать всякие компромиссы, чтобы исправить гибельную ошибку: вводить в школах уроки морали, заключать конкордаты, допускать под разными предлогами существование церковных школ и т. под.

Не выдерживает жизненного испытания и другая мнимая аксиома, что монархическая форма правления отжила свой век и должна быть заменена, яко бы более совершенной, республиканско-парламентарной. Придумавшие эту форму правления и начавшие ее осуществлять французы сами же ее наглядно опровергли, скатившись в ряд третьестепенных государств. В то же время Персия, попробовавши республиканского парламентаризма, снова потянулась к монархизму, так же как тянутся к нему Бельгия и Япония, убеждаясь, что при наличии парламента, демократичность, т. е. народность быстро куда-то исчезает, как было в Бельгии, где большинство народа высказалось за восстановление на троне прежнего короля, а меньшинство, опираясь на организованную партию, этому желанию народа не желало подчиниться.

Когда мы говорим о необходимости свободы для личного творчества, то не будем проходить мимо того общества, той среды, того **народа,** от которого плоть и кровь свою получает каждый. Творить разумно, возвышенно, красиво можно только стремясь к выражению не узко личного, но того, что является идеалом родного народа, родной страны. Родной народ есть та неистощимая почва, на которой только и могут раскрыться во всей полноте богатства нашей души. Личность, ищущая свободы только для себя, но не корректирующая себя по идеалам Родины и отрывающаяся от этих идеалов, обречена на творческое бесплодие, на "декаденство". Без народности, как почвы, личность гибнет и как особь, и как часть целого.

Личность и общество, Церковь и Государство, Монархия и народоправство по существу не могут и не должны противопоставляться одно другому, а должны быть слиты в единое гармоническое целое путем осуществления в жизни истинной Соборности; Соборность же в своем идеале есть воплощение в нашей человеческой жизни основного христианского догмата о Трех Лицах в Единстве Божественной жизни. По истине к нашей русской формуле "Православие - Самодержавие - Народность", выражающей наши чаяния о наисовершеннейшем устройстве человеческого общества, больше, чем к поэзии приложимы слова, что она есть "Бог в святых мечтах земли".

Это идеал, который был до сих пор только смутно намечен в русском сознании; осуществление его в жизни — великая, святая, хотя и очень трудная задача, возлагаемая на нас святым Провидением.

П. Н. С.

Еще о „былях" и „небылицах"

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый
Господин Редактор!

С глубоким волнением прочел я прекрасную статью-отповедь г. Варламова ("Наша Страна № 203) — ответ на статью г. Водова, появившуюся в газете "Русская Мысль", на тему о непопулярности покойного Государя Императора в среде русского народа, в особенности, как уверяет г. Водов, в первый период революции.

К прекрасной статье г. Варламова мне хотелось бы добавить исторический факт, очевидцем которого я был, противоречащий утверждениям г. Водова.

Вскоре после прибытия отрекшегося (под давлением) Государя Императора в Царское Село, мне, в то время ученику одного из местных средних учебных заведений, пришлось случайно проходить по Дворцовой улице, мимо Знаменской церкви вдоль ограды дворцового Александровского парка. Едва я поровнялся с угловыми воротами парка, как мое внимание было привлечено галдежом довольно значительной группы революционных солдат, отчаянно неряшливого вида, согласно революционной моде того времени, оживленно что-то комментирующих, причем смысл этих комментариев заключался в самых непристойных для человеческого достоинства репликах, обращенных к кому-то. Заинтересовавшись объектом этих реплик, я, в силу человеческого любопытства, подошел вплотную к изгороди парка и тут-то, к глубокому моему огорчению, увидел, примерно в тридцати метрах от изгороди, две фигуры, расчищавшие деревянными лопатами заваленную снегом аллею. В одной из них, по шинели из солдатского сукна, нетрудно было узнать отрекшегося Императора, в другой — по форменной матросской тужурке, верного из верных, дядьку Наследника-Цесаревича, матроса Нагорного. В некотором отдалении от них находилась революционная стража, состоящая из офицера с огромным красным бантом и двух рядовых.

Происходившее на моих глазах было глубоко трагично по своему содержанию и в то же время омерзительно.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта сцена, если бы в это время не подошла и не стала около меня бедно одетая, в платочке, женщина, по всей видимости из так называемых дворцовых поломоек, привлеченная любопытством, как и я.

Не обращая никакого внимания на соседку, я был поглощен созерцанием Государя Императора, которого я видел в последний раз. Вдруг я услышал около себя женский плач, а затем истерический вопль, который я запомнил на всю жизнь и привожу текстуально: "Загубили, кровопийцы, Царя-Батюшку, а теперь насмехаетесь над Ним!"

Обернувшись на этот вопль, я увидел страшную картину, которая, несмотря на долгие годы, прошедшие с того времени, до сих пор не изгладилась из моей памяти: с побледневшим лицом, издавая гортанные звуки, с катящимися из глаз слезами, простая русская женщина, мстя за поруганного Царя, не взирая на численность ругателей, бросилась на одного из солдат, больше других изощрявшегося в ругательствах и превратила в несколько секунд физиономию ругателя в кровавую маску.

Глядя на эту картину, я на всю жизнь усвоил понятие "фурия", которое до тех пор как-то не представлялось ясным.

Поистине страшен человек во гневе, и какая сверхчеловеческая сила просыпается в нем! Большого труда стоило сотоварищам пострадавшего вырвать жертву справедливого гнева из рук русской женщины, представительницы простого народа.

Что касается покойного Императора, Он, не оборачиваясь, продолжал работу, в то время как стража и матрос Нагорный с видимым интересом наблюдали за происходящим.

Не задаваясь целью комментировать поступок простой русской женщины, могу довести до сведения г. Водова подобного рода поступок машиниста Императорского поезда, в котором отрекшийся Государь следовал в Царское Село. Когда на станции Дно распропагандированная солдатская толпа предлагала машинисту бросить поезд и присоединиться к ним, он, схватив кочегарную лопату, со словами: "не вам, сволочи, учить меня!" буквально в несколько минут разогнал борцов за "светлое будущее".

А разве можно забыть матроса Нагорного, бескорыстно связавшего свою судьбу с судьбой Императорской Семьи и разделившего трагическую Ее участь.

Разве дворцовая поломойка, машинист и простой матрос не являлись подлинными представителями простого русского народа?!

А известно ли г. Водову, что только благодаря телеграмме покойного Государя с благодарностью оставшимся верным войсковым частям и с приказанием

Борис Башилов

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ

I.

...В России давно уже читают с увлечением классиков, — писал Г. Федотов в статье "Россия и Свобода"*) но там, повидимому, не приходит в голову перенести в современность сатиру Гоголя или Щедрина...

Такое мнение имеет профессор Федотов о своем народе. Без господина Федотова народ не разумеет, видите-ли, даже такой простой истины, читая Салтыкова-Щедрина, что больше походит на город Глупов — Россия под властью царя, или под властью марксиста Сталина.

Говоря о современной русской литературе, Г. Федотов снова рубил с плеча, когда утверждал: "...На последнем "национальном" этапе, — а, казалось бы, он должен был вдохновлять художника, — русская литература дошла до пределов наивной беспомощности и дидактизма; вследствие утраты последних остатков свободы..."

В какую сторону проф. Федотов ни взглянет, везде только трупы, трупы, трупы. Это потому, что проф. Федотов всю жизнь не был способен воспринимать биение жизни, всю жизнь был живым мертвецом.

Но то, что не видел и не был способен видеть проф. Федотов, видели и чувствовали другие эмигранты.

Другой известный профессор эмигрант Н. Тимашев в статье "Мысли о послевоенной России"**), например, писал:

"...В сложившейся обстановке есть еще один источник, откуда может забить живительная струя свободы. Русская литература, от Пушкина до наших дней, проникла глубоко в народные массы, гораздо глубже, нежели было до революции. Советские юноши и девушки увлекаются "Евгением Онегиным" и "Анной Карениной", а старые большевики бьют себя в грудь, при виде внешних симптомов этого увлечения и горько сожалеют о том, что в дни своей молодости от всей этой красоты себя добровольно отлучили. Но может ли народ, осиянный богатством нашей литературы, с ее высокими идеалами, может ли такой народ не возгореться вновь пламенной верой в свободу? Другой вопрос— сколько времени понадобится на то, чтобы этот процесс получил достаточную силу для того, чтобы победоносно воздействовать на действительность..."

Я, живший в России двадцать четыре года после революции, сам наблюдал тягу народа к национальному крылу русской литературы: к Пушкину, Достоевскому, Гоголю, Лескову и другим.

Характерно, что несмотря на все старания большевиков, ни Салтыков-Щедрин, ни Глеб Успенский, ни Короленко, ни Некрасов не пользуются успехом у широких масс. Народ любит произведения тех писателей, которые в свое время были оклеиймлены революционной критикой, как реакционные и безидейные писатели.

Народ давно, без профессора Федотова и ему подобных разобрался кто писал правду о национальном прошлом, а кто искажал ее подобно профессору Федотову.

II.

Все лжемудрствование профессора Федотова о том, что все живущие под властью большевиков, даже дореволюционные интеллигенты постарались убить в себе чувство свободы, опровергаются одной фразой из исторического романа писателя С. Голубова "Солдатская слава". Герой романа солдат Архип Осипов, взорвавший добровольно пороховой погреб, покинутый гарнизоном русской крепости на Кавказе.

Характеризуя героизм Архипа Осипова, Голубов писал о том, как из **"наружного рабства** глухого века в тяжких страданиях рождается **внутренняя свобода** человека."

Одна эта фраза Голубова полностью уничтожает все дикие концепции проф. Федотова о современном русском человеке.

Во время войны Голубов написал повесть "Багратион". Сотни тысяч экземпляров этой книги были брошены на фронт. У тысяч убитых были найдены в ранцах томики этого, действительно, патриотического произведения.

Давая в "Новом Журнале" обзор советских литературных журналов за 1943 г., критик В. Александрова писала:

"...Первый военный год, сопровождавшийся отступлением Красной Армии и занятием значительной части русской территории, в литературе и публицистике усилил и углубил тему патриотизма, общности судьбы".

"...Характерно для творчества этого периода, что горечь утрат и поражений компенсируется какой-то **нетленной радостью** открытия **в себе и своих современниках вечной России.** Эта вечная Россия, незримо присутствующая в первых художественных откликах в журналах 1942 года, не устраняла ни революции, ни советского режима, ни коммунистической партии, **но все они словно переброшенные на луну,** где иначе действует закон притяжения, потеряли часть своего прежнего веса, **обнаружив скрытые дотоле черты своей временности и относительности".**

Вот этой-то черты, черты относительности большевизма и советской власти и скрывающейся за ними вечной России и русского народа, профессор Федотов, Галич, Соколович и многие другие исповедники советской теории о существовании советского народа, и не заметили.

Они совершенно проглядели мощный подъем национального чувства до войны, плодотворную работу тысяч "внутренних эмигрантов" по восстановлению связи с национальным прошлым. Написаны сотни прекрасных биографий и исследований о крупнейших национальных деятелях прошлого. Написаны превосходные исследования о малоисследованных эпохах русского прошлого. В результате этой тяги к изучению и осмыслению прошлого, родился, наконец, жанр русского исторического романа. Исторического романа, написанного мастерами слова, любящими и знающими ту эпоху, которую они изображают.

Проф. Федотов напрасно иронизировал, когда писал в "Новом Журнале" "На последнем национальном этапе", — "русская литература дошла до пределов наивной беспомощности и дидактизма; вследствие утраты последних остатков свободы..."

На самом деле до пределов наивной беспомощности и дидактизма дошел только сам проф. Федотов.

III.

У критика "Нового Слова" В. Александровой создалось совершенно другое впечатление от исторических произведений, появившихся в России во время войны, чем у проф. Федотова.

"При всех достоинствах вкратце рассказанных исторических произведений, — писала она, — им свойственна одна особенность, все они могли бы появиться и в дореволюционной литературе".

Иными словами: величайшее потрясение, пережитое страной в революции, хотя и углубило понимание прошлого России, но не внесло ничего принципиально нового в его трактовку. Это результат внутренней эволюции советского общества, проделанной за последние 8—10 лет."

В. Александрова несравненно ближе к пониманию истины, чем Федотов, но и ее понимание нуждается в некоторых поправках.

Большинство исторических романов, появившихся в России до войны и после войны, характеризуются сознательным патриотизмом и высотой государственного сознания. В них нет и следа осуждения, охаивания и отталкивания от государства, нет и следа антигосударственных настроений, которыми всегда отличалась русская интеллигенция. В них проводятся идеи и мысли совершенно невозможные в исторических романах до революции.

В романе "Дмитрий Донской", в романе "Светоносцы" о Даниле Галицком, проводятся идеи, что с князя один спрос, с рядового человека другой спрос. **Что нельзя мерить одной меркой поступки человека принимающего на свои плечи всю тяжесть судьбы родной земли и рядового человека, одного из многих.**

Разве такие идеи могли бы являться основными идеями в исторических произведениях до революции? Разве господа Федотовы и Галичи, и сама Александрова, не подняли бы сразу столь трезво-реалистически и государственно мыслящего исторического романиста на кончики своих прогрессивных перьев? Разве бы не был несчастный смельчак предан всенародной анафеме.

Другая характерная черта исторических романов, появляющихся сейчас в России — это сознательная любовь к прошлому. Зная, на основании вновь обнаруженных исторических материалов, прошлое лучше, чем исторические романисты до революции, авторы стараются отметить светлые героические стороны его. Ни лапти, ни грязные онучи, ни кабаки, ни застенки больше не интересуют исторических романистов. Исторические романисты не идеализируют прошлое, но они не хотят изображать его в духе интеллигентской историографии, согласно которой вся Московская Русь состояла из кабаков, застенков, усадеб, бояр-кровопийц и тиранов царей. Разве такой подход к прошлому не есть принципиально иной подход?

Неправа Александрова, когда она говорит и об эволюции советского общества.

Углубленный интерес к прошлому, вызвавший появление многих исторических романов и повестей есть результат не эволюции советского общества, **а эволюции национального чувства русского народа.** А это не одно и то же. Ошибаются те эмигрантские критики, которые воображают, что талантливые исторические романы можно писать по соцзаказу. По соцзаказу можно писать плохие, тенденциозные произведения о стахановцах, колхозных, доярках, добрейших Дзержинских. Можно написать по соцзаказу, конечно, и исторические романы. Такие романы и писались примерно до 1935 года бездарными писаками типа Мордовцева, — Шильдкретами и им подобными.

---

*) Была опубликована в одном из номеров "Нового Журнала".

**) Была напечатана в "Новом Журнале".

подчиниться Временному Правительству, была предотвращена братоубийственная схватка между распропагандированными частями и учебными командами царскосельского гарнизона, которая едва не разгорелась около стен Александровского дворца в Царском Селе.

Найдись в то время среди командного состава волевая фигура, которая сумела бы возглавить антиреволюционные силы, — Россия и поныне была бы Русской, Единой и Неделимой.

Досужие эмигрантские суждения о слабоволии и нерешительности покойного Государя не выдерживают никакой критики, ибо эти господа забывают, что священная миссия Русского Царя заключалась в том, чтобы быть душой народа, началом объединяющим, но ни в коем случае не раъединяющим.

Велика заслуга светлого мученика Государя Императора перед русской историей в том, что Его монаршей волею не была пролита ни единая капля русской крови в братоубийственной войне.

Помяни, Господи, в горних селениях Твоих, светлую душу Русского Царя и всех чад Его иже с Ним убиенных.

Русский солдат из Парагвая

Читайте и распространяйте "НАШУ СТРАНУ".

Но талантливое, истинно историческое произведение можно написать только зная, чувствуя и любя свое национальное прошлое. Не будучи русским по душе нельзя пережить, прочувствовать и верно передать ту эпоху, которую описываешь. Только тогда найдешь те слова, которые зажгут душу читателя.

И разве не поет душа, когда читаешь, например, следующие проникновенные строки о Сергии Радонежском и Дмитрие Донском.

"...Разгорелась ссора, но вдруг все стихло. С мокрыми засученными портами, в распахнутой по вороту рубахе, простоволосый рыболов кинулся кверху, где на зипуне сидел его мальчонка. Он схватил малыша за руку и поволок к предместью. Там стоял Сергий, благословляя стражу, и стражники сбегались к нему под благословение.

—Отче Сергие! Благослови вьюношка моего!

—Будь благословен, малый отроче, во имя Отца и Сына... Возрастай для веселия Руси, а не для ордынского гнета. Благословляю тя, да будет родина твоя чиста от иноплеменного ига, ибо, лишь сломив его, встанет народ в полном веселии и величии. И час битв грядет. А твое время впереди и светло.

Мальчик смотрел на Сергия карими испуганными глазами, и Сергий, склонившись, погладил и поцеловал его. Сергий знал, что каждое его слово, каждое движение будет разнесено по всему граду, а может быть, выйдет и за пределы городских стен"

Или такие великолепные по своей точности и простоте описания:

"...Дмитрий взглянул на разделанные поля за садом, а за полями густо темнели леса, и в тех лесах тоже таились монастырские пашни, деревни и починки. Владения Троицкой обители разрослись далеко вокруг доброхотными даяниями князей и бояр и неутомимым усердием братии, присоединявшей к монастырю вольные деревни, склонявшей крестьян пахать монастырщину.

Всюду затихала жизнь при появлении великого князя, и всюду безмолвно следовал за Дмитрием Андрейша, и Сергий сказал о нем:

—Мы его учим иконописанию, зане в том вельми искусен и рачителен.

Так дошли они до соснового крылечка Сергиевой кельи; и это была первая встреча великого князя Московского с великим художником Андреем Рублвым.

Они дошли до соснового крылечка Сергиевой кельи. Смолкнув, в тишине переступили порог.

В низкой бревенчатой келье горела лампада, пахло ладаном, кипарисом и каким-то душистым маслом. На полке лежали книги, стояла глиняная чернильница и сверток в красной холстинке.

В низеньком окне, в которое смотреть можно лишь сидя, виден был пчельник, заросший кустами смородины. Черные грозьдья смородины свисали из-под широких листьев и солнечный свет проникал кое-где сквозь листья и траву. Мирно было здесь, вдали от битв и воплей, вдали от страстей и тревог мира. И Дмитрий успокоился.

—Снова наступает час испытания, отче Сергие, — сказал князь. —Кого просить о молитве, от кого ждать совета и наставления? Ты силен в вере, а вера движет горами...

Сергий подошел к Дмитрию и положил ему на плечи свои ладони:

—Не тревожься, господине, будь тверд и мужественен. Иди вперед. Иди вперед бесстрашно и твердо. Все обмыслил я здесь в уединении, все, что узнавали мы об Орде, все, что рассказывали мне о твоих сборах. Наша стала перетягивать к нам. Еще бы обождать она бы перевесилась поболе, но ведь и там, видно, чуют, куда клонится чаша, там тоже опасаются упустить время.

—Видно, так, — ответил Дмитрий.

—Час встречи надвигается и неизбежен. Ждать нечего. Сильнее не станем, ежли будем ждать, а слабее станем, ибо враг успеет собраться да изготовиться. Враг будет неистов, ибо Орда, ежели вернется к себе без победы, падет. Это ее бой решающий, но и для нас он решающий тож. Крови польется полная земля, но, коль враг одолеет, вся жизнь наша кончена. Не останется городов, не останется и монастырей; где же тогда будут лежать книги наши, наша вся мудрость, знания, вера? Снову потекут века рабства и Русской земле уж никогда не встать. Не бойся ни потерь, ни крови. На тебе вся наша земля лежит, сие есть груз тяжкий и темный, напрягись, сыне мой, господине мой, Дмитрий Иванович, мужайся.

—Не уступлю! —ответил Дмитрий. —Сам вижу, отче Сергие, нельзя уступать.

Сергий вышел вперед. Все стали на колени.

—Помолимся же, братие; близится час...

Они поднялись с колен более спокойные и более сильные. Дело их правое, время их лихое, и тое лихо пора сбросить с плеч.

Сергий взял с полки красный узелок, развернул большую вынутую просфору и дал ее князю. Большеглазый мальчик стоял у самой двери, может быть на всю жизнь запоминая полумрак этой кельи и молитву людей, собравшихся одолеть врага.

Вокруг кельи начали молча собираться люди — монахи, богомольцы, крестьяне, прослышавшие о приезде Дмитрия. Жаждая увидеть его, они рассаживались на земле, возле кельи; стояли, упершись в посохи, оборотясь лицом к Сергиеву крылечку. А на крыльце висел глиняный рукомойник, тихо покачиваясь, и лежала вязанка валежника, еще не изрубленная на дрова.

Старик паломник подошел к вязанке и взял из-под нее топор — чтобы руки не мучились бездельем, хотел поколоть дровец.

Но монах строго ему сказал:

—Не замай, тое преподобный сам колет, чужим трудом своей кельи не обогревает.

Солнце блистало недобрым, прозрачным светом, осень близилась.

Андрейша показался на пороге, и народ поднялся, торопясь к мальчику.

—Ну, что он?

—Благословил.

—Слава Тебе, Господи!— ответил старик паломник. —Давно пора!

Набежал недолгий дождь. Люди стояли, не расходясь. От намокших одежд запахло прелыми яблоками.

Еще не прошел дождь, когда на порог вышел Дмитрий.

Старик паломник протиснулся вперед:

—Собрался, государь?

Дмитрий его не сразу понял. Старик повторил:

—Батюшко! Возьми нас с собою!

Дмитрий пошел между ними, отовсюду сжатый людьми.

(Продолжение на 7-й стр.)

Елена Саянова

ПСИХОЛОГИЯ

Есть такая на свете Рюмина роща. Она находится в Рязани. Хорошая, правильная роща. Березы такие, будь здоров, нигде во всей России не сыщешь. А, впрочем, может быть где и есть такие же. Может даже лучше есть. Зря хвалиться не будем. Так вот в этой самой Рюминой роще теперь парк культуры и отдыха. Представьте себе такой средний парк на периферии. Культура, конечно. Читальный зал, спортплощадка. Для пожилых на профкнижку гамаки выдаются. Между деревьями повисеть. Пивная. Одним словом, на все вкусы.

Еще можно с девушкой между деревьями погулять. Вот они и гуляли. Митя и Лена. Вдруг начинает угрожающе темнеть и пора итти домой. По дороге Митя спрашивает.

—Вот ты заочница, Лена. А можешь ты мне объяснить, что такое психология?

Лена засмеялась.

—Конечно, могу. Психология это когда... это когда... Ну, одним словом, ты, к примеру, делаешь заготовки, а я их сшиваю. Если ты брак на заготовках даешь, то две, а то три нормы выгонишь, а я и одной не дам. А если добросовестно работаешь, у тебя полнормы, зато я стахановка. Это еще не психология. Вот как ты поступать будешь? Эта и есть психология. Понятно или нет?

Митя задумчиво посмотрел на нависшие над головой крупные августовские звезды и протянул:

—Понятно...

Кажется пустяковый разговор, а какие получились из него последствия. Куда Митя с Леной ни пойдут, куда ни сунутся, повсюду натыкаются на эту самую психологию. Ну, шагу без нее не ступить.

Приходят, к примеру, на стадион. Мячик прыгает. Мальчишки норовят без билетов пролезть. Болельщики орут. Одним словом, футбольный матч. Митя тоже включается. Кричит.

—Рыжий! Рыжий! Наддай! А ну еще! На ворота! На ворота навешивай! Что-ж он, чорт, на ворота не навешивает? Зачем на центр пасует?

—Буржуазного индивидуализма боится. По коллективному принципу мяч ведет. Психология!

Или пошли как-то вместе до магазину. Пошли, значит, в поселковый кооператив. Конечно, каждому свое нужно. Мите — французский ключ. Он дома мастерскую собирает. А Лене—материальчик на платье. Известно, девушка. Ничего тут такого нету. Приходят они и смотрят чего в магазине есть. Митя удивляется.

—Я слесарь инструментальщик. Я две, а то три нормы выполняю. Я работаю как ненормальный и произвожу инструменты. А когда мне нужен французский ключ, оказывается, что гвоздей даже нет. Ты, Лена, текстильщица. Тоже стахановка, как и я. Ты, может, сколько там сотен километров ткани выдать успела. От Рязани до Москвы протянуть можно. Но себе на платье четыре метра ты купить не можешь. В продаже нет. Как же это получается? Куда все девается, чего мы производим?

—А все туда же. Не одни мы с тобой на свете. Кто и не работает тоже не голым ходит и не босиком. Тоже старается себе жизнь организовать. Психология.

Пошли в кино. Свет погасили. Митя у Лены руку взял. Сперва осторожно, потом — покрепше. Смотрится так интереснее. На экране парень и дивчина. Вроде Мити и Лены. Тоже рабочие ребята. И вот они после трудового подвига идут до магазину. А там полки ломятся от товаров и они просто не знают, как им увезти чего они накупили. И тогда они прикручивают все к своему мотоциклу и газуют домой. Митя шепчет:

—Не пойму я чегой-то. Вроде такие же как мы, фабричные... А какая разница.

—Тихо ты! Соседям смотреть не мешай, если сам не хочешь. Не понимаешь? Психология...

День за днем стал Митя понимать больше и к Лене с вопросами уже не обращался. Однажды на политкружке даже сам вопрос задал.

—Как же так выходит, товарищи? Основной закон социализма — максимальное удовлетворение потребностей. А главная жизненная необходимость того же социализма — режим экономии. Что же нам делать? Потребности удовлетворять или экономить? Тут психология в государственном масштабе получается.

Ох и ругала же потом Лена Митьку.

—Дурак, ты дурак. Я думала ты умный, а ты дурак. Понял, называется, слово. Психолог какой отыскался. Псих ты, а не психолог. Если чего не можешь, зря не дыми. Язык за зубами держи. Если-б мы силу имели, тоже зря трепаться не стали-бы. По своему повернули бы без особой агитации. А сейчас раньше батьки в петлю лезть нечего. Понимать надо. Психология.

Елена Саянова

Борис Ширяев

Письмо Алеши Пшик

(Вместо Рождественского рассказа)

Многие наши читатели заинтересовались дальнейшей судьбой Алеши Пшик — человека русского и спрашивали меня о ней. Я не мог дать ответа, так как знал лишь то, что Алеша из Сицилии укатил, вернее уплыл куда-то в Африку. Но недавно я получил от него письмо и спешу поделиться им с читателями. Письмо объемистое — на нескольких страницах и отдельных клочках. Писал он его, очевидно, не сразу, а с перерывами. Чисто личные сведения и наметки дальнейших планов Алеши я выпускаю, сохраняя лишь, так сказать, художественно-лирическую часть его манускрипта, в которой, кроме знаков препинания, ничего не изменяю. Итак...

"Здравствуйте, дорожайший Борис Николаевич с фамилией! Привет вам из страны называемой Конго, где я теперь гастролирую с успехом на тысячу и более процентов! Даешь Конго!!! Доехали мы сюда благополучно, только сначала в Казабланке попали в небольшой переплет: трамваи и автобусы повалены и французы на улицу выходить боятся. А мне что? Я ведь не француз, а человек русский. Хожу по всем кафанам и, если замечу, что арапы бузу затирают, — тычу себя в грудь и кричу: русс, русс!

Успех, конечно, имел, особенно с бубенцами, но вижу, что особых достижений ожидать нельзя, так как полицейские патрули не в свое дело мешаются. Решил ехать дальше.

Документы там выправить очень просто, если на доллары. Однако, в целях гражданства пришлось временно стать белым арапом египетского месторождения и нанять для этого четырех свидетелей по доллару. Теперь я Али-Ша-Шейк. В общем и целом, незначительное изменение. Проворачивал это дело мой теперешний компаньон по антерпризе — настоящий черный арап, по социальному положению фокусник, жена его балерина, специальности голого желудочного танца. Очень высокий класс. Мамаша, как увидела — три дня плевала. При ее возрасте такая художественность, конечно, не усваивается.

Билеты на пароход пришлось купить, однако, за время пути оправдали. Даже в первый класс меня и фокусника приглашали, а танца не допустили по причине присутствия детского возраста. Так до Леопольдвилля доехали, а дальше гастрольным порядком, этапами, вверх по этой самой Конге-реке. Ничего особенного. Река как река, только купаться в ней нельзя при учете крокодилов. А по реке различные комбинаты и новостройки. Однако, живут в них французы вполне замечательно, а негритянские нацмены обыкновенно, по-советски: в бараках и голые ходят. Ресторанов и кофеен много, но театральная часть на очень низком уровне. Успех нам везде обеспечен, как с желудочной хореографией, так и без нее. Население здесь белое разное, больше французы, но есть и русские. Даже русская водка в барах, только дорога. И негритянские нацмены разные. Одни совсем черные, а другие, как пригорелая каша. Я с ними по-русски говорю, и они все понимают. В общем и целом, живем — не плачем, даже и мамаша. Только под русское Рождество в высокой степени запсиховала, так что я даже в лес смылся от такого нарушения общественного порядка.

Иду лесом и сам психую, потому что этот конговый лес даже и на лес не похож, одна путаница и попугаи. Дошел до негритянского хутора, вроде колхоза: одни бабы работают и во всем полная недостаточность. Сел я под деревом, вынул "малютку" — она всегда при мне, и "соловей" тоже. Заиграл я "Вниз по Волге-реке", а сам плачу... Как-никак, Конго — не Волга...

Публики разом набежало полный сбор! Лупят на меня гляделки и зубы скалят. Ах, вы, думаю, цветнокожие нацмены, на русское горе смеетесь? Так я вам расдокажу, что такое есть русский человек.

Смахнул рукавом слезу и как наярю "Светит месяц" с переборами, да с соловьиным присвистом!!

Даже попугаи орать перестали! Ей-Богу, не вру!

А публика — один сплошной апплодисмент африканским способом: у них по животу ладонями апплодировать принято.

У меня, конечно, духу добавилось.

—Крути веселей! —кричу. — Потому что сегодня у нас по русскому календарю Христос рождается, и вы это должны отметить!

А им того только и надо. Все поняли и прыгать стали. Для танца у них, конечно, мало развития — одно телодвижение, вроде физкультурной зарядки. А я, принимая во внимание их нацменство, гопака им зажариваю и сам ногами их инструктирую. Пошло дело! Правильности, конечно, не получилось, но в основном освоили.

В результате же вышла целая программа. Натащили они своего просяного пива (вкус ниже среднего, но берет), говядины жареной, барабаны приволокли, вроде артельных котлов, и сами номера ставят. А меня самый толстый старик абсентом угощает. Я им еще играл, и потом сказал заключительное слово:

—Поскольку вы,— говорю, — со мной наше Рождество празднично отметили, то должен вам разъяснить, что я — человек русский. Россия же такая страна, где по низвержении больше-

---

просвещенной Европы, Петру стоило взять технику чугунолитейного дела, которую предшественники великого преобразователя импортировали и без него, — может быть и еще кое-что из технических мелочей, достигнутых всем тогдашним человечеством, от которого Москва столь долго была изолирована, но что со всеми остальными петровскими реформами — не стоило и огорода городить. Но тогда, если вы откинете сусальную Европу, а с нею, следовательно, и благодетельность петровских реформ, тогда рушится весь быт и весь смысл того слоя людей, которые выросли на почве петровской реформы — быт и смысл крепостнического русского дворянства.

ВОПРОС О БЕЗДНЕ

Следующим — после сусальной Европы — элементом легендарной стройки является вопрос о той бездне, на краю которой стояла Московская Русь и от которой спас ее гений Петра.

Теории сусальной Европы и варварской Москвы носили психологический оттенок горькой, но беспощадной объективности: "Что делать? Действительно — Москва отстала чудовищно; действительно, Европа была неизмеримо впереди нее". Это был, так сказать, беспристрастный диагноз, в котором русские чувства просвещенных светил русской исторической науки не играли никакой роли. Теория бездны обрастает даже и патриотической тревогой: если бы не Петр, свалились бы мы все в эту бездну. И, может быть, и России теперь не было бы никакой. Наш знаменитый западник Чаадаев утверждал даже, что без Петра Россию впоследствии завоевал бы Фридрих Великий — это с полуторамиллионами прусского населения во времена Петра!

Мотив бездны был ярче всего сформулирован Пушкиным: "над самой бездной — на высоте, уздой железной — Россию вздернул на дыбы!"

Не будем отрицать ни пушкинского гения, ни пушкинского ума. Но, вот, бросил же он свой знаменитый афоризм о пугачевском бунте: "русский бунт, бессмыс-

указывает на некоторую степень изумления: вероятно, что в Москве пили или только "вельми", или только "зело" — в Германии и вельми, и зело. Но для более позднего периода некоторые свидетельства имеются. Сто лет после Петра — при Александре I, наш посол в Лондоне гр. Воронцов доносил своему правительству о коронованных попойках, на которых "никто не вставал из-за стола, а всех выносили". Именно в то же время английский король Георг пришел на свою собственную свадьбу в столь пьяном виде, что не мог стоять на ногах и придворные во время всей церемонии держали его под руки.

Пьянствовала ли вся Европа? Ну, конечно, нет. В подавляющем большинстве случаев, массы не имели не только вина, но и хлеба. В братоубийственных феодальных войнах, которые велись руками н а е м н ы х солдат — население подвергалось грабежу не только со стороны "чужих", но и со стороны "своих". Еще армии Фридриха Великого были бичем для собственного прусского населения. Наемная армия, — наемной армией была и фридриховская, — не имела никаких моральных оснований быть боеспособной — отсюда и та палочная дисциплина, которая, к удивлению Фридриха Великого, заставляла солдата бояться капральской палки больше, чем неприятельского штыка. Отсюда та палочная дисциплина в армии, которую и у нас ввел Петр и ликвидировал только Потемкин, Румянцев и Суворов, позже она была восстановлена поклонником Фридриха — Павлом I. В Германии, перед Второй Мировой войной, еще били гимназистов: не было "телесных наказний" в строгом смысле этого слова, но пощечины практиковались, как самый обычный способ педагогического воздействия. К русским детям, посещавшим германские школы, эта система, впрочем, не применялась. Наши варварские нравы ликвидировали всякое телесное воздействие на школьников уже лет восемьдесят тому назад. И попытки немецких учителей бить по физиономии русских детей — приводили к скандалам: иногда родители приходили скандалить, а иногда и школьни-

вистского террористического режима будет всем жить более чем возможно. На этой основе и вы сможете тогда к нам эмигрировать и будете безо всяких ограничений в правах жительства, в профессии и зарплате... Потому что у нас свои нацмены всегда на равноценном положении. Пока!

Задрал себе рубашку и им по местному способу поапплодировал, чтобы понятнее было".

Далее следует длинный рассказ Алеши о его дальнейших планах поездки вокруг Африки, это я выпускаю—потом подпись.

"С уважением и приветом от жены и мамаши тоже, ваш Али-Ша-Шейк, но, извиняюсь, человек русский".

А после подписи приписка:

"Возвращаюсь домой, смотрю на небо, а там уже полностью вызвездило. Я себе думаю: государства разные и разные в них народы, что я теперь практически усвоил. Однако, небо одно для всех. Вот тут и корень вопроса, с которым я к вам обращаюсь, на базе того, что вы в настоящем царского времени университете обучались, а я отмененной религиозности в школе не проходил. Если так рассуждать об общественности неба, то почему Христос в то время не в России родился, а в колонии? Я так соображаю, что в среде русских людей это было бы более подходяще и целесообразно. Надо думать, что тогда и вся мировая политика по-другому бы перестроилась. Пожалуйства, обязательно ответьте".

Письмо неизвестного

"Планета Венера.
Губерния Благодатная.
Город — "Довольствия".
Улица — Урожайная.
Ивану Лучезарному."

Дорогой друг!

Уж и не знаю, как поздравлять тебя с Новым Годом. Ты пишешь, ваш год тянется, как наши десять, а мы приползли к 1954 году...

Но прежде о твоем письме, которое на нас произвело впечатление громадное, его мы зачитали в кругу всех знакомых. Я, между прочим, снял с него копию и послал в одну из демократических газет, но поместить его отказались, мотивируя тем, что содержание его слишком фантастическое и в жизни быть не может. Да мы и сами никак не опомнимся от него.

Ты пишешь, что всей вашей страной правит Отец, что трудящиеся не облагаются никакими налогами и не несут никакой ответственности за поступки своего правительства. А на какие же средства у вас существуют профессиональные союзы с ихними штатами паразитов?... Хотя, мы поняли, что у вас, повидимому, Монарх и строй Народной Монархии, тогда нам понятно почему налоги не ложатся на работающих...

Еще нас очень удивила ваша земельная реформа. Значит, единого землеустройства нет? Да, ведь это и есть чаяния нашего Российского народа. Наши дуромудрые политики не понимают одного, что нельзя проводить единую земельную реформу во всех областях. На хорошей черноземной почве, с такими же пастбищами для скота крестьянин сам пойдет на единоличие, а где песок, кремень, да болота, конечно, потянет его к общинному труду, по нашему — артельному, потом, кто хочет жить хуторами, пусть живет, а кто в деревне, пусть в деревне. Прямо не верится, что все это у вас есть и земля — у того, кто ее холит...

. Да, друг! было это все, когда-то в старой России. Было, да сплыло. Как же вы достигли этого? Неужели без социальных революций? Вот чудеса! Ты пишешь ,что у вас один лозунг в жизни: "Труд и мирная жизнь", да этот лозунг дороже всех политических трактатов, которыми у нас на земле кормят народы.

Потом ты пишешь, что над всей торговлей, промышленностью, учебой, наукой, медициной существует общественный контроль, да ведь это прямо из какой-то сказки. Значит само общество руководит своей жизнью, а Монарх заботится о благоустройстве и процветании страны и своих гарждан. Потом, еще нас поразил ваш суд. Выходит, что у вас суда-то и нет, а есть арбитражная комиссия, которая разбирает все дела... Удивительно! Еще, вот что. Ты пишешь, что между странами сняты пограничные рогатки и вместо них существует солидарность и взаимопомощь и, что любая страна всегда пойдет на помощь другой, которую постигло какое-нибудь бедствие... Вот так когда-то шла навстречу каждой державе и наша старая Россия. Наша родина из чувства солидарности к беде другого народа, жертвовала даже своими сынами... Не мало, ох, не мало, разбросано по всему свету таких безымяннных братских могилок с русскими воинами!... Жертвовала. Тогда тоже свой Отец был. А теперь?

Как завелись на Белом Свете партии, да вожди, да президенты, вместо солидарности, у всех волчьи клыки появились, державы друг друга грызут, президент президента, вождь вождя, а то целые народы нищими по свету пускают, а города и села в руины превращают. Бандитизм форменный на свете идет, а остановить некому. Отца-то нет!...

Перехожу к тому, что тебя интересует на нашей планете "Земле". Вот именно, что происходит? Конкретного ответа на этот вопрос никто не даст. По-мирскому происходящее — называется ералаш...

Перейду на наш антикоммунистический русский фронт. С чем мы подходим к новому, 1954, году? Трясина. Болотная трясина. Та же грызня, склоки, нетерпимость друг к другу, что было и 5, и 10, и 30 лет назад. Вождизм. Зазнайство. Политическая ане

ки отвечали сами — так что русские варвары были оставлены в покое.

Все это было в средней Европе. В южной было еще хуже, в особенности в Италии и Испании — вспомним, что последний случай ауто-да-фе — публичного сожжения живого еретика — относится к 1826-му году. Вспомним и христианские развлечения римских Пап, — театральные спектакли, от которых, по выражению Покровского, краснели соотечественники Раблэ — французские дипломаты. Редкий случай дипломатической стыдливости. На этих представлениях актеров слуги схватывали за руки и ноги и били животом о пол сцены, — так сказать, апплодисменты наоборот...

Не нужно, конечно, думать, что в Москве до-петровской эпохи был рай земной или, по крайней мере, манеры современного великосветского салона. Не забудем, что пытки, как метод допроса и не только обвиняемых, но даже и с в и д е т е л е й, были в Европе отменены в среднем лет сто-полтораста тому назад. Кровь и грязь были и в Москве, но в Москве их было очень намного меньше. И Петр, с той, поистине, петровской "чуткостью", которую ему либерально приписывает Ключевский — вот и привез в Москву: стрелецкие казни, личное и собственноручное в них участие — до чего Московские цари, даже и Грозный, никогда не опускались; привез Преображенский приказ, привез утроенную порцию смертной казни, привез тот террористический режим, на который так трогательно любят ссылаться большевики. А что он мог привезти другое?

Технику и прочее привозили и без него. Ассамблеи? Нужно еще доказать, что принудительное спаивание сивухой — всех, в том числе и женщин, было каким бы то ни было прогрессом, по сравнению хотя бы с московскими теремами — где москвички, впрочем, взаперти не сидели — ибо н е м о г л и с и д е т ь: московские дворяне все время были в служебных разъездах, и домами управляли их жены. Отмена медвежьей травли и кулачного боя? Удовольствия, конечно, грубоватые, но чем лучше их нынешние бои быков в Испании или профессиональный бокс в Америке?

Состояние общественной морали в Москве было не очень высоким — по сравнению — не с сегодняшним, конечно, днем, а с началом двадцатого столетия. Но в Европе оно было н а м н о г о н и ж е. Ключевский, и иже с ним, не знать этого **не могли.** Это — слишком уж элементарно. Как слишком элементарен и тот факт, что государственное устройство огромной Московской Империи было неизмеримо выше государственного устройства петровской Европы, раздиравшейся феодальными династическими внутренними войнами, разъедаемой религиозными преследованиями, сжигавшей ведьм и рассматривавшей свое собственное крестьянство, как двуногий скот — точка зрения, которую петровские реформы импортировали и в нашу страну.

Сказка о сусальной Европе и о варварской Москве является исходной точкой, идеологическим опорным пунктом для стройки дальнейшей исторической концепции о "деле Петра". Дальше я постараюсь доказать, как одна легенда и фальшивка, громоздясь на другую легенду и фальшивку, создали представление, имеющее только очень отдаленное отношение к действительности. Это, мне кажется, будет не очень трудно. Значительно труднее — объяснить двухсотлетний ряд "идеологических надстроек" над действительностью, — окончившихся коммунистической революцией. Или, во всяком случае, это объяснение трудно сформулировать с такой же наглядностью, с какою можно доказать полнейшее несоответствие петровской легенды самым элементарным и самым общеизвестным историческим фактам.

В основе этой легенды лежит сказка о сусальной Европе и о варварской Москве. Эта сказка совершенно **необходима,** как фундамент для всего остального: если вы откинете этот фундамент — сказки строить будет не на чем: все дальнейшее строительство превращается в бессмыслицу. Тогда придется сказать, что из всей

мия. Заворот мозгов. Доносы. Сплетни. Как подходим? А вот как, привожу выдержки из нашей прессы:

Пироговское Общество: "Годичный Бал".

Объединение зарубежных кадетских корпусов: "Годовой Бал".

Дамский Комитет РАС: "Традиционный Бал".

Дамский Комитет Власовского объединения: "Бал".

Казачий Центр: "Встреча нового Года".

Гарнизон 297: "Бал".

Клуб Российской Молодежи: "Веселая встреча Нового Года".

Лемко-Холл: "Веселая встреча Нового Года. Пение, пляски, танцы".

Фарма РООВА: "Встреча Нового Года. Веселый и непринужденный вечер".

Общество приехавших из Европы: "Самая веселая встреча Нового Года" ... Можно остановиться ...

И что можно ждать путного от этих антикоммунистических фокстротчиков, ведь это про них в известной поэме А. С. Пушкина сказано словами старого священника:

"Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертию распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц, молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, мертвой ямы,
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом ..."

**"Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя распятого за нас:
Прервите пир, чудовищный,
Когда желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!"**

Из Австрии, от Алексея получил письмо. Это единственная светлая весточка в нашем беспросветном омуте. Пишет, что группа расширяется. Через немцев наладили связь с советской зоной. Оккупационным войскам переслано не мало литературы, а через друзей советских солдат, заимели связь и с родиной. Андрей и Степан погибли в одном рейсе, на Кобургском участке. Чекистам в руки не дались, успели проглотить цианистый калий. Жалко. Но борьба без жертв не бывает. Без жертв она происходит только в глубоком Американском тылу, на банкетах или балах ...

Ну, вот, как будто бы написал все новости. Жду ответа, какими методами на вашей планете пришли к счастливой жизни?

Остаюсь преданный тебе Валентин Несчастливцев.

(Письмо нашел и прислал в редакцию "Нашей Страны" Н. Жигулев).

ПО ТУ И ПО ЭТУ СТОРОНУ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

Верховный Суд СССР, под председательством маршала Конева, в заседаниях своих, состоявшихся 18—23 декабря, при закрытых дверях рассмотрел дело Лаврентия Берии и его шести сообщников.

Всеволод Меркулов, бывший министр безопасности СССР и государственный контролер.

Василий Деканозов, бывший начальник отдела НКВД, министр внутренних дел Грузии.

В. Кибулов, бывший заместитель народного комиссара вн. дел Грузии, тоже вице-министр внутренних дел СССР.

С.Гоглидзе, бывший грузинский комиссар вн. дел, заведующий, в последнее время, отделом министерства внутренних дел Грузии.

П. Мечик, бывший заведующий отделом НКВД, министр вн. дел Украинской республики.

М. Влодзимирский, заведующий следственным отделом министерства вн. дел.

23 декабря всем подсудимым был вынесен смертный приговор немедленно приведенный в исполнение.

Так, в подвале той самой Лубянки, где им самим были пролиты реки крови невинных мучеников, закончил свою страшную жизнь один из величайших палачей русского народа.

***

Московское радио, комментируя ответ советского правительства на предложенный Айзенхауэром план использования атомной энергии для мирных целей, заявляет, что ответная советская нота содержит в себе "нечто новое", хотя западные державы и прилагают все усилия к тому, чтобы этот факт замолчать. Цитируя передовицу "Правды", комментатор сказал, что СССР не отказываясь от своего старого тезиса о запрещении применения атомного оружия, вносит новое предложение: создать международную конвенцию, подобную Женевской конвенции 1925 года, запрещавшей воюющим сторонам применение ядовитых газов, а равно и ведение бактериологической войны. "Правда" подчеркивает, что эта конвенция не была ни разу нарушена во время Второй Мировой войны.

Эти комментарии являются первыми, появившимися в советской прессе и радио с тех пор, как СССР сообщил о своем намерении обсудить предложение ген. Айзенхауэра и интересно отметить, что в них ни словом не упоминается о тех постоянных нападках советской прессы на САСШ, обвинявшей американское командование в Корее в ведении бактериологической войны.

***

В связи с предстоящей в Берлине конференцией министров иностранных дел "четырех великих", Фостер Даллес заявляет, что САСШ всегда готовы к обсуждению совместно с советскими представителями любого конкретного случая, но ни в коем случае не могут признать, чтобы условием для ведения переговоров являлся бы отказ от Атлантического пакта, от создания европейского оборонительного союза или от своих заокеанских баз. "Это должно быть известно Советам, чтобы они не делали себе ненужных иллюзий", пишет Ф. Даллес.

В той же статье Ф. Даллес пишет далее, что нет ничего более страшного, чем созыв конференции, в результате которой могут появиться надежды на то, что не существует никакой опасности, угрожающей миру. И что САСШ никогда не примут участия в переговорах, целью которых было бы стремление затуманить положение и представить его в розовых тонах.

Равным образом САСШ категорически отвергают требование СССР о признании коммунистического Китая и о включении его в состав ООН.

Везде, где Советам не удалось подчинить себе свободные народы, они создавали внутренние беспорядки и хаос. Так было в Греции, на Филиппинах, в Малайе. В Корее и в Индокитае они решились даже на открытую борьбу. Все это заставляет САСШ сопротивляться коммунистической опасности и поддерживать свободные народы, в их усилиях справиться с этой опасностью. Однако, кроме военной финансовой и экономической помощи со стороны САСШ, необходимо еще и моральное усилие самих свободных народов и Даллес уверен, что они сделают все, что могут для сопротивления коммунизму.

***

В связи с распоряжением ген. Айзенхауэра об отозвании из Кореи двух сев.-американских дивизий, американское командование заявляет, что эвакуация этих частей не будет проведена немедленно.

В дипломатических кругах в Вашингтоне заявление ген. Айзенхауэра склонны рассматривать как предупреждение Сигману-Ри, в том смысле, что он не должен расчитывать на помощь САСШ, в случае его единоличного решения возобновить военные действия.

В Южнокорейских кругах это заявление рассматривается, как "плохое известие".

***

Адмирал Артур Радфорд, шеф объединенного американского ген. штаба и Вальтер Робертсон, секретарь министерства иностранных дел САСШ вторично совещались с маршалом Чан-Кай-Шеком, на о. Формоза.

Маршал Чан-Кай-Шек заявил представителям САСШ, что войска национального Китая, реорганизованные и обученные, находятся в полной боевой готовности и просят обещанной Соединенными Штатами поддержки, чтобы начать военные действия против Коммунистического Китая.

Маршалу Чан-Кай-Шеку было вручено послание ген. Айзенхауэра, в котором расматривается проблема Дальнего Востока вообще и положение Китая, в частности. Причем, Айзенхауэр призывает Чан-Кай-Шека к терпению и советует ему не предпринимать наступательных действий против Коммунистического Китая.

С другой стороны, ген. Айзенхауэр подтверждает, что в случае нападения коммунистов на о. Формозу, американские войска будут немедленно введены в бой.

***

Русские у Президента Айзенхауэра

16 декабря в Вашингтоне состоялась конференция Совещательного Комитета национальных групп при Главном Комитете республиканской партии. В совещательный комитет входят американские граждане иностранного происхождения, члены республиканской партии. Зада-

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ
Продолжение
Начало на 3-ей стр.

—Сбираюся в Москве. Туда идите.

В это время в звоннице грохнул звон, из церкви понесли иконы и хоругви, монахи запели, и народ подхватил древний напев воинственных молитв. Ведя в поводу княжеских коней, народ провожал Дмитрия, шедшего с Сергием и с князьями впереди всех. Ветер трепал их непокорные волосы, с деревьев опадали листья, дождь то затихал, то набегал снова.

Так дошли они до колодца, где в сторону от дороги отбегала узкая лесная тропа.

Тут, перед лицом всех, великий князь опустился перед Сергием на колени, и Сергий трижды поцеловал Дмитрия и благословил:

—Иди. Будь тверд! Он не допустит нашей погибели!

И Дмитрий взглянул на обрызганные дождем лица людей, обращенные к нему отовсюду.

И всем он ответил:

—Иду.

Он принял из чьих-то рук коня и, ставя сапог в стремя, поглядел: все ли видели, что Сергий благословил его на битву; это означало, что с Дмитрием — Бог".

Эти страницы взяты мной из романа Бородина "Дмитрий Донской". Разве эти страницы написаны по заказу, а не идут из сердца, из глубины души?

Разве это писал не человек гораздо более русский, чем Г. Федотов или г-н Сакович, презирающие всех современных русских людей.

А сколько таких волнующих страниц имеется в "Дмитрии Донском"?

(Продолжение следует).

Борис Башилов

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "НАШУ СТРАНУ"

Alrededor de la politica

(Continuación)

La política de Inglaterra en Asia es terminar a cualquier precio la guerra en Corea, aumentar, hasta el límite, su comercio con China y otros países comunistas, liquidar a Chan-Kai-Chek con la isla Formosa y entregarla a Pekín, y hacer todo lo posible para que China Comunista sea admitida en la OON. La política tradicional de Inglaterra en Europa es tratar de establecer el equilibrio de las fuerzas en el continente y la distribución de las esferas de influencia. En octubre de 1944, cuando Mr. Churchill y Mr. Eden llegaron a Moscú, hicieron un acuerdo con Stalin sobre las esferas de influencia en los Balkanes (Rumania, Bulgaria, Hungría y Yugoslavia). Dentro de muy poco tiempo, Stalin ya habría tenido un cien por ciento de influencia y la esfera de influencia de Mr. Churchill se redujo a cero. Ahora, una vez más, Mr. Churchill trata, aflojando en varias cuestiones, apaciguar y llegar a algún entendimiento con Malenkov, y una vez más establecer las esferas de influencia. Pero con la gran amargura para el inteligente pero al mismo tiempo impotente premier de Inglaterra, a todas las invitaciones para la reunión de los "cuatro grandes", el Sr. Malenkov contestó bien claro: "Para mí, esta reunión tiene tanta importancia como la quinta pata para el perro. Para fines de propaganda tengo interés de hablar de esta reunión, pero no participar en ella".

Paralelamente con todo lo expuesto, los gobiernos de la Europa Occidental, empiezan a plantear la cuestión del pacto de no agresión y de defensa mutua. A mi parecer no se puede llegar a absurdo más grande que éste. Primeramente, con semejante pacto, las democracias Occidentales, reconocerán a los Soviets, como al legítimo gobierno ruso, y además confirmarán, política y moralmente la ocupación por los Soviéticos de los países de la Europa Oriental, como un acto legal. Lo que se refiere a la "garantía de las fronteras" del "imperio" soviético, contra la agresión del Occidente, se puede afirmar que semejante idea podría salir sólo de locos. Garantizar a los Soviéticos, cuando ellos poseen el ejército de 175 divisiones, decenas de miles de tanques y aviones, una reserva de bombas atómicas, etc. — sus fronteras contra la agresión de quién? Contra la Alemania desarmada? O Finlandia? ¡Qué absurdo!

Hasta que punto puede llegar la gente inteligente en el momento de pánico.

(Continuará)

***

Разыскиваю сестру **Лиду и Юрия Длусских** из Екатеринослава (Днепропетровск), находившихся в лагере Западной Германии.

Прошу писать по адресу:
Mr. E. Soltan
27 rue de Donai
Paris 9, France

ПО ТУ И ПО ЭТУ СТОРОНУ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

(Начало на 7-ой стр.)

ча совещательного комитета состоит в правильном осведомлении республиканской партии и, через эту партию, правительства Соединенных Штатов о пожеланиях американских граждан иностранного происхождения.

В конференции председательствовал глава центрального комитета республиканской партии Д. Холл.

Русская группа была представлена Л. Л. Николаевским, предсе дателем федерации русских благотворительных организаций в Соединенных Штатах, и И. А. Пу щиным, членом Российского Политического Комитета в Нью-Иорке.

В тот же день члены конферен ции были приняты в Белом Доме президентом Айзенхауэром.

Смерть ген. Кестринга

В своей усадьбе в Баварии скончался генерал-от-кавалерии Эрнст Кестринг, который, в последний период Второй Мировой войны, был "генералом добровольческих соединений" при главной квартире германских сухопутных вооруженных сил.

Покойному было 78 лет. Он родился в Москве, в семье немца, занимавшегося в России издательским делом, и среднее образование получил в русских уче бных заведениях. Продолжив за тем образование в Париже, Женеве и Берлине, он поступил в Германии на военную службу, участвовал в офицерском чине в Первой Мировой войне и был, после этой войны, адъютантом и ближайшим сотрудником создателя Рейхсвера, генерала фон Зекта.

В эту эпоху своей жизни Кестринг многократно бывал в России и участвовал в заключении тайных германско-советских военных соглашений, которые дали Рейхсверу возможность перенести из Германии в Россию ту часть своей военной подготовки, которая была запрещена в Германии Версальским договором.

В 1931 году Кестринг, в чине полковника был назначен на должность германского военного агента в Москве и оставался на этой должности до вторжения немецких войск на советскую территорию в 1941 году. За годы своего пребывания в Москве он был произведен в генералы и многократно виделся и совещался со Сталиным, который подчеркивал свое благожелательное отношение к германскому военному агенту.

В 1941 году Кестринг вернулся в Германию в составе германского посольства в Москве и пытался воздействовать на политику Германии сначала в направлении прекращения войны с СССР и со глашения со Сталиным (такие попытки делались в ту же эпоху в Германии бывшим германским послом в Москве графом фон дер Шуленбург, повешенным в 1944 году по обвинению в участии в заговоре на жизнь Гитлера), а затем, когда он убедился в невозможности такого соглашения — в направлении изменения германской политики на заня той немцами русской территории.

К этой второй эпохе относится, сначала, его назначение на должность "генерала Восточных войск", а затем "генерала добровольческих соединений". До конца Второй Мировой войны ему, по этой должности, были подчинены созданные немцами добровольческие "восточные" части, за исключением РОА.

После капитуляции Германии ген. Кестринг поселился в своей усадьбе, был подвергнут кратковременному аресту и допросам со стороны западных союзников, но не признан "военным преступ ником" и не предан суду.

По некоторым данным, он уча ствовал в подготовительной работе по воссозданию германских вооруженных сил, проделанной после Второй Мировой войны некоторыми германскими офи церскими кругами.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1954 НАША СТРАНА 1954

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Всеволода Дубровского

НАША СТРАНА

ПОДПИСКА принимается Редакцией **"Нашей Страны"** и ее представителями на **определенное количество порядковых номеров**, или на срок: **на 6 или на 12 месяцев** (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров газеты). Стоимость отдельного номера в розничной продаже или при подписке — одинакова.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 4 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

НАША СТРАНА

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаду — 35 цент. в Бразилии — 5.50 круз., в Венецуэле — 1.25 болив., в Парагвае — 5 гуарани, в Чили — 12 чил. песо. Во Франции — 100 франков, в Германии — 1 нем. марка.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем на **десять** ном. вперед.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Argentina
Buenos Aires

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

Paraguay: Sr. P. Privaloff, Casa Comercial, Pérez, Ramírez y Cía, S. A., Palma 215, Asunción, Paraguay.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave., San Rafael, Calif., USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

Mr. L. D. Kostyria, 43, Birch Ave, Toronto 5, Ontario.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE:

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie. Bruxelles

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s|Seine, Seine.

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273. Ave Ferdowsi, Teheran.

Imprenta, Dorrego 1102. T. E. 54-4644. Bs. Aires

Розыски

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией "Нашей Страны" или ее представителями на местах.

Хрулeнко Мария разыскивает **Георгия Стаховского**, с июля 1942 по апрель 1945 года находившегося в Германии, и **Виктора Стаховского**, родившегося 19 февраля 1921 года, о котором известно, что он был зарегистрирован 27 ноября 1945 г. в лагере Ди-Пи в Касселе (Маттенберг) и в июле 1949 г. — в Ди-Пи госпитале Марксхаузен. Сведения просят сообщить по адресу:

Chrulenko Maria
10, Second Ave, Forestville
Adelaide, S. Australia